

Культурно-символическое измерение социальной мобильности в образовании

УДК 316.444:37

Доминик ШЕВЧИК,
аспирант

Научный руководитель –
ШКУРОВА Елена
Валерьевна, кандидат
социологических наук,
доцент

Доминик ШЕВЧИК. Культурно-символическое измерение социальной мобильности в образовании. В статье рассматриваются сложившиеся в социальных науках подходы к изучению социального неравенства на уровне образовательного выбора. Продемонстрировано, что образовательная траектория обусловлена преимущественно социальным положением учащегося и его семьи. В то же время образовательные траектории и закладываемые (или нет) в них конкурентные преимущества при выходе на рынок труда определяют горизонт возможностей, уровень профессиональных запросов и карьерные стратегии, служа важнейшим элементом воспроизводства неравенства. Помимо «классических» макро- и микротеорий, в статье рассмотрены исследования, которые основаны на культурно-символическом измерении социального неравенства и выделяют такие его характеристики, как признание, различение и эмоциональные драйверы действия.

Ключевые слова: неравенство, культура, эмоции, социология культуры, образовательный переход, образовательный выбор.

Dominik SHEVCHIK. Cultural and symbolic dimension of social mobility in education. The article reviews the approaches that are used in social sciences to study social inequality at the level of educational choices. It shows that the educational trajectory is determined mainly by the social status of the student and his/her family. At the same time, educational trajectories and associated competitive advantages (if any) determine the horizon of opportunities, career expectations and strategies when entering the labor market, being the most important determinant in the reproduction of inequality. In addition to the 'classical' macro- and micro-theories, the article reviews studies based on the cultural and symbolic dimension of social inequality and highlights such characteristics as recognition, distinction, and emotional drivers of action.

Keywords: inequality, culture, emotions, sociology of culture, educational transition, educational choice.

Неравенство, будучи одной из базовых и труднопреодолимых проблем современности, стало камнем преткновения социальной и экономической политики всех развитых и большинства развивающихся стран. Показательной в этом отношении является провозглашенная в октябре 2017 года на XIX съезде Коммунистической партии Китая смена приоритетов: снижение неравенства было признано более важной задачей, чем сохранение темпов экономического роста.

[ОБ АВТОРЕ]

ШЕВЧИК Доминик Олегович.

Родился в г. Гродно в 1997 году. Окончил Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (2019), магистратуру в Институте подготовки научных кадров НАН Беларуси (2020), аспирант Института социологии НАН Беларуси.

С 2020 года работает в должности младшего научного сотрудника отдела экономической социологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси.

Автор более 10 научных публикаций.

Сфера научных интересов: исследовательская программа Э. Дюркгейма, социология знания, социология неравенства.

Проблема несоизмерности доходов часто выступает предметом общественно-политических дискуссий, в которых осуждается сложившееся положение вещей как «несправедливое» и «вредное». Однако подлинная трагедия неравенства, делающая его предметом интереса социологов по всему миру, нередко остается вне фокуса. Вместе с тем такие эффекты неравенства, как снижение социальной связности, когнитивного и морального консенсуса, социальная дезинтеграция, маргинализация больших социальных групп, легко встраиваются в другие социальные и экономические проблемы современных обществ и усугубляют их.

Несмотря на высокую проработанность темы и множество релевантных подходов к изучению неравенства, исчерпывающих ответов относительно механизмов его воспроизводства, а соответственно и в полной мере эффективных мер по решению проблемы, до сих пор нет. Долгое время неравенство рассматривалось как чисто экономическая проблема, однако такой фокус скорее мешал продуктивной научной и общественной дискуссии, оставляя за рамками эффекты, которые и делают его столь важной социальной проблемой.

Актуальные теоретические направления, подкрепляемые междисциплинарными эмпирическими исследованиями в этой области, предлагают иной взгляд на проблему, указывая на значимость культурных механизмов в воспроизводстве неравенства. Социальная мобильность как главная динамическая характеристика неравенства рассматривается в качестве ключа к его преодолению, главным образом через образование и карьеру.

Данная статья – приглашение присоединиться к дискуссии, развернувшейся в контексте результатов последних исследований, выделяющих три базовых механизма влияния культуры на воспроизводство неравенства в образовании: различие, признание и эмоциональные драйверы действия.

Исследования неравенства давно стали частью мейнстрима социальных наук. Долгие годы в этой области доминировали подходы, сформированные под влиянием экономики и теории рационального выбора. Нельзя не отметить заслуг экономистов, действительно добившихся, главным образом в первой половине XX века, больших успехов в развитии своей дисциплины и ее эвристического потенциала. Вместе с тем сегодня не подлежит сомнению ограниченность подходов к изучению проблемы неравенства с фокусом на распределение ресурсов (материальных и символических), представляющих человека рациональным субъектом, чье поведение определено исключительно стремлением минимизировать издержки и максимизировать прибыль. Результаты социальной политики во всем мире неоспоримо свидетельствуют о том, что прямые экономические вливания зачастую не способны сократить стратификационный разрыв и поправить положение маргинализированных групп. И проблема кроется в менее очевидных причинах, нежели неравный доступ к благам или индивидуальные личностные черты.

В социальных науках сложилось несколько «классических» подходов к исследованию неравенства, в них закрепились стандарты эмпирических описаний, которых придерживаются большинство ученых. Подходы эти можно условно разделить на макро- и микротеоории [1].

Макротеоории описывают системные условия и барьеры на государственном или институциональном уровне. Такие теории позволяют сравнить различные когорты учащихся с точки зрения доступности образования, отследить изменение этого показателя во времени, выявить динамику и предложить конкретные меры по преодолению или нивелированию социально-экономических эффектов в осуществлении образовательного выбора.

К таким подходам можно отнести теорию максимально поддерживаемого неравенства [2]. Согласно этой теории, представление различных социально-экономических групп на конкретном этапе образования не будет равным до тех пор, пока доступное количество мест в средней школе не будет соответствовать запросам всего населения. В противном случае места достанутся в первую очередь представителям

привилегированных групп, что приведет к воспроизводству условий неравного доступа к жизненным шансам. Когда же достигается всеобщий доступ к среднему образованию, социально-экономическое неравенство начинает проявлять себя уже на более высокой ступени образования.

Тем не менее, как показывают многочисленные исследования, повышение вовлеченности учащихся в среднее образование, начиная с 1950-х годов, не привело к ликвидации неравенства в западных странах [3–4]. Несмотря на рост количества учеников с разным уровнем капитала (подразумевается общий объем капитала семьи – экономический, социальный, культурный и др.), учащиеся с более низким социально-экономическим положением имели меньше шансов на получение высшего образования в целом, а барьеры на пути в лучшие учреждения высшего образования (имеется в виду престиж и образовательный уровень университетов) становятся и вовсе непреодолимым препятствием для учащихся с низким социальным статусом [5].

Теория максимально поддерживаемого неравенства была развита и дополнена С. Лукасом [6]. Он продемонстрировал, что при удовлетворении требования к количеству мест на определенном образовательном уровне неравенство будет воспроизводиться не только при переходе на более высокую ступень, но и на данном образовательном этапе. Так, например, принимая решения о дальнейшем образовании и его типе, старшеклассники из семей с большим культурным капиталом выбирают более академические курсы [7].

Сформулированная С. Лукасом теория эффективно поддерживаемого неравенства получила обширное признание и была неоднократно подтверждена эмпирическими данными из разных стран [1, с. 111–113]. Эти исследования также указывают на возникновение нового типа неравенства уже на уровне высшего образования. Несмотря на повышение его доступности в последние десятилетия, в том числе для представителей социально уязвимых групп населения, качественное высшее образование часто остается недоступным для учащихся с неблагоприятным социально-экономическим статусом даже при достаточных способностях к обучению и высоких академических результатах.

К микротеориям, показывающим проблему воспроизводства неравенства в образовании, можно отнести сформированную под влиянием теории рационального выбора модель образовательного перехода [8]. Рассматривая образовательный выбор с позиции учащегося и учитывая его личные качества, возможности и доступные ресурсы, Р. Брин и Дж. Голдтроп описали три основных механизма воспроизводства неравенства при образовательном переходе: избегание рисков, субъективная оценка успеха и использование ресурсов [9].

Согласно теории Бриана – Голдтропа, главной причиной сохранения неравенства является несопоставимость издержек и выгод для представителей разных классов. Иными словами, реформы, повышающие доступность той или иной ступени образования, при сокращении издержек для учащихся в целом не приводят к выравниванию условий для различных социально-экономических групп. Чем больше суммарный объем капитала, тем меньшими представляются издержки, и наоборот.

Еще один подход, рассматривающий образовательный переход на индивидуальном уровне, был предложен Р. Будоном [10]. Разработанный в 1970-х годах, он стал популярным относительно недавно. В книге «Неравенство шансов» Р. Будон на основе статистики правительства Франции описал зависимость социальной мобильности от уровня образования. В то время в системе образования Франции увеличился спрос на школьное образование. Одновременно в вузах наблюдался рост количества студентов из различных социально-экономических групп. Однако обучение в высших учебных заведениях для студентов из непривилегированных слоев обходилось слишком дорого, а спрос на кадры с высшим образованием был меньше предложения. В результате дети, достигшие более высокого уровня образования, чем их родители, не обрели более высоких шансов на восходящую социальную мобильность, независимо от их происхождения.

Фото иллюстративного характера

Р. Будон ввел понятия первичных и вторичных эффектов семьи. Первичные эффекты описывают связь с социальным происхождением и школьной успеваемостью. Так, учащиеся из более обеспеченных семей демонстрируют более высокий уровень успеваемости по сравнению с детьми из семей с более низким экономическим статусом. Вторичные эффекты помогают понять, как социальное положение семьи влияет на принятие образовательных решений и выбор образовательного трека. Даже при одинаковой успеваемости, дети из семей с большим объемом капитала чаще склонны продолжать обучение на следующей ступени. Теория первичных и вторичных эффектов нередко применяется в современных исследованиях неравенства [1, с. 116–118].

Интересным представляется наблюдение Ф. Бернарди, иллюстрирующее возможность различной интерпретации давно зарекомендовавших себя эмпирических показателей. Так, способность привилегированных семей делать лучший выбор в части образования их детей, которую традиционно трактуют в духе вторичных эффектов неравенства, на самом деле осуществляется порой на интуитивном уровне. «Подобные рассуждения можно проделать и в рамках теории относительного избегания риска Голдтропа – Брина, которая... легко и убедительно может быть переинтерпретирована в духе культурного релятивизма» [11, с. 170].

В отношении «классических» подходов можно заметить, что макротеории позволяют на примере многочисленных исследований, проводившихся в разных странах и институциональных контекстах, не просто констатировать наличие и воспроизводство неравенства в образовании, но и предлагать конкретные меры по улучшению ситуации, выравниванию доступа к образованию и жизненным шансам. Микротеории, рассматривая эту проблему на уровне индивидуального образовательного выбора, помогают выяснить, почему эти меры не работают.

Важнейший парадокс неравенства, затрудняющий его изучение и практическое регулирование, связан с невозможностью разрешения проблемы, в основе которой лежит распределение благ простым их перераспределением [11, с. 169]. Разрешение этого парадокса может быть предложено в рамках быстроразвивающегося фронта исследований, при проведении которых изучаются такие культурные механизмы, как

признание, различие и эмоциональная мотивация. И у всех этих исследований есть общий теоретический знаменатель – автономия культуры (аналитический принцип, который подразумевает детерминацию социальных фактов культурными механизмами и позволяет глубже рассматривать социальные явления).

Антиредукционистский проект Дж. Александера и его коллег, зародившийся в середине 1980-х годов как локальное интеллектуальное течение единомышленников, долгое время оставался на периферии социологического дискурса [12, с. 155]. Однако со временем он принимает все более отчетливые очертания, а с выходом ряда программных текстов вроде манифеста «сильной программы» [13] в последние 15 лет становится одним из наиболее актуальных и бурно развивающихся теоретико-методологических подходов.

Подробный разбор «сильной программы» культурсоциологии можно прочесть в статье Д. Куракина [12], представленной в виде ряда развернутых историко-социологических, теоретических и методологических комментариев. Для дальнейшего изложения важно лишь отметить особую значимость теории Э. Дюркгейма в качестве базового ресурса исследования символических процессов.

«Автономия культуры» требует не только провозглашения, но и социологического обоснования. Именно эвристическая гипотеза Э. Дюркгейма позволяет связать культурные смыслы с социальными взаимодействиями и структурой, организацией сообществ и иными аспектами социальной жизни. Гипотеза строится на том, что сознательная жизнь, состоящая из различений, может быть осмысленной только тогда, когда эти различения связаны с эмоциональными переживаниями особого рода, имеющими социальное происхождение и внеобыденную степень интенсивности. Продолжая интенции Э. Дюркгейма, культурсоциология изучает символические классификации, структурированные напряжением между полями сакрального и профанного.

Культура понимается как система смыслов, организующая восприятие и различие и, как следствие, определяющая способность к навигации в образовательной системе. При этом различительные способности, в частности, в отношении высшего образования, как показывают многочисленные исследования, имеют классовую природу.

Классическим здесь представляется исследование П. Бурдьё, посвященное способности к пониманию «высокого искусства» и «вкуса», – специфической системе различения, – атрибута привилегированных классов, располагающих высоким уровнем культурного капитала [14]. Сегодня концептуальная рамка П. Бурдьё остается одним из главных эвристических ресурсов в исследованиях неравенства в образовании, оставаясь все же редукционистским инструментом, фокусирующимся главным образом на изучении классовых препятствий восходящей мобильности. Однако в последнее время растет количество исследований, что демонстрируют взаимосвязь культуры и социальной успешности, раскрывают способы, которыми люди придают смысл своему положению, а также то, как эти смыслы формируют ориентации и организуют системы действий по их воплощению.

Новым концептуальным подходом является изучение культурных нарративов или тропов в формировании образовательной траектории. Культурные нарративы образовательного выбора, будучи связанными с социально-экономическим положением учащегося, все же не диктуются им. Такие исследования демонстрируют, каким образом межклассовые различия в культурных нарративах формируют представление и воплощение восходящей мобильности [15]. Авторы показывают, что молодежь среднего класса характеризуется умением ориентироваться на будущее, упорством в достижении целей и ощущением контроля над собственной жизнью. В то же время учащиеся из семей рабочих осваивают нарратив пассивного принятия своего будущего.

Помимо семиотического взгляда на культуру как на систему различений, важно также рассматривать ее «энергетическое» измерение, состоящее в способности вдохновлять или, напротив, внушать апатию и безразличие. Такое прочтение позволяет актуализировать культурные механизмы, которые ведут к эмоционально заряженным драйверам действия, во многом обуславливающим структуру и эффективность мотивации.

В обыденном сознании мы можем найти множество примеров того, как жизнь привилегированных слоев общества часто представляется полной уважением, энтузиазма и вдохновения, а непривилегированных – как унылое существование. Здесь стоит упомянуть концепцию субъективного благополучия – уверенности человека в том, что он проживает достойную и приятную жизнь. Исследования демонстрируют, что эта оценка в том числе связана с академическими достижениями [16], учебной мотивацией [17], более низкими рисками депрессии, карьерным успехом и доходами [18].

Эмоции так или иначе включаются в социальную науку на фоне «когнитивного поворота». Многие социологи относятся к этому с опаской и недоверием, но есть и те, кто с энтузиазмом наблюдает эти трансформации. В частности, М. Ламон и ее коллеги отмечают, что междисциплинарные исследования неравенства могут быть теоретически продуктивными как для когнитивных, так и для социальных наук [19].

Другой ресурс, который подвержен неравномерному распределению наравне с материальными благами, – это социальное признание. Социальное оценивание – важнейшая часть повседневного взаимодействия. Его примерами могут служить не только публичное признание заслуг или осуждение недостойных действий и слов, но и микровзаимодействия вроде игнорирования бытовых условий в студенческих общежитиях или отказа в сдаче квартиры иногородним студентам «неславянской внешности».

Такие повседневные проявления оценивания, как уважительное отношение, одобрение и почтение с одной стороны, и игнорирование, оскорбление и недооценивание – с другой, также служат важным социальным ресурсом, распределяемым неравномерно [20]. Более «достойные» признания и уважения получают и более высокий уровень «культурного участия». Все это создает колоссальную разницу в качестве жизни разных социальных групп, подкрепляемую неравной способностью воздействия на сложившуюся ситуацию. Непривилегированные не только живут хуже, но и имеют куда меньший доступ к ресурсам, которые позволили бы улучшить их положение. Нехватка признания может вести к эмоциональной фрустрации, низкой самооценке и недостаточной мотивации к достижению академических результатов, что становится барьером в установлении высокого уровня образовательных и карьерных амбиций.

Социально-экономическое неравенство давно стало предметом ожесточенных дискуссий как на общественно-политическом уровне, так и в дисциплинарных кулуарах социальных наук. Часто неравенство рассматривается как неравный доступ к жизненным шансам – совокупность барьеров восходящей социальной мобильности. Для большинства людей ключом к повышению социально-экономического положения является получение достойного образования и построение успешной профессиональной карьеры. Неудивительно, что многие исследователи акцентируют свое внимание именно на этапе совершения образовательного перехода и выбора образовательного трека. Эти показатели во многом определяют закладываемые конкурентные преимущества для последующего выхода на рынок труда.

Классические подходы к изучению неравенства в образовании отличаются рядом несомненных преимуществ и прикладной значимостью. Однако свойственный им экономический редукционизм существенно ограничивает их описательный и интерпретационный потенциалы, упуская из виду те социально значимые эффекты неравенства, которые и делают его столь важной проблемой современности.

Последние десятилетия на Западе сложились альтернативные подходы к изучению влияния социально-экономических эффектов на образовательный выбор, во многом опирающиеся на идеи автономии культуры и каузальной (причинной) значимости чисто культурных механизмов воспроизводства неравенства в образовании. Не отрицая сложившиеся представления о барьерах в образовательном выборе, они дают им новую интерпретацию, дополняя известные эмпирические факты вроде разницы в издержках для разных социально-экономических групп их культурным и когнитивным измерением.

Сегодня эта отрасль знания только набирает обороты, однако уже можно наблюдать множество теоретических и концептуальных возможностей для ее эпистемных интервенций в смежные области и дисциплины.

Надо полагать, мы еще станем свидетелями демонстрации ее эвристического потенциала в исследовании и решении проблемы социального неравенства в мире.

Статья поступила в редакцию 22.08.2022 г.

[СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ]

1. Чиркина, Т.А. Социально-экономическое положение и выбор образовательной траектории учащимися: теоретические подходы к изучению взаимосвязи / Т.А. Чиркина // Экономическая социология. – 2018. – Т. 19, № 3. – С. 109–125.
2. Raftery, A.E. Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education 1921–1975 / A.E. Raftery, M. Hout // Sociology of Education. – 1993. – № 66 (1). – P. 41–62.
3. Boliver, V. Expansion, Differentiation, and the Persistence of Social Class Inequalities in British Higher Education / V. Boliver // Higher Education. – 2011. – № 61 (3). – P. 229–242.
4. McCoy, S. 'The Sooner the Better I Could Get Out of There': Barriers to Higher Education Access in Ireland / S. McCoy, D. Byrne // Irish Educational Studies. – 2011. – № 30 (2). – P. 141–157.
5. Jerrim, J. Socioeconomic Inequality in Access to High-Status Colleges: A Cross-Country Comparison / J. Jerrim, A.K. Chmielewski, P. Parker // Research in Social Stratification and Mobility. – 2015. – № 42. – P. 20–32.
6. Lucas, S.R. Stratification Theory, Socioeconomic Background, and Educational Attainment: A Formal Analysis / S.R. Lucas // Rationality and Society. – 2009. – Vol. 21, № 4. – P. 459–511.
7. Lucas, S.R. Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects / S.R. Lucas // American Journal of Sociology. – 2001. – Vol. 106, № 6. – P. 1642–1690.
8. Goldthorpe, J.H. Class Analysis and the Reorientation of Class Theory: The Case of Persisting Differentials in Educational Attainment / J.H. Goldthorpe // British Journal of Sociology. – 1996. – Vol. 47, № 3. – P. 481–505.
9. Breen, R. Explaining Educational Differentials: Towards a Formal Rational Action Theory / R. Breen, J.H. Goldthorpe // Rationality and Society. – 1997. – Vol. 9, № 3. – P. 275–305.
10. Boudon, R. Education, Opportunity, and Social Inequality: Changing Prospects in Western Society / Boudon R. – New York: John Wiley & Sons Inc, 1974. – 220 p.
11. Куракин, Д. Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» / Д. Куракин // Социологическое обозрение. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 167–231.
12. Куракин, Д. «Сильная программа» в культурсоциологии: историко-социологические комментарии / Д. Куракин // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9, № 2. – С. 155–178.
13. Alexander, J.C. Strong Program in Cultural Sociology [Electronic resource] / J.C. Alexander, Ph. Smith // Yale's Center for Cultural Sociology. – Mode of access: <https://ccs.yale.edu/strong-program>. – Date of access: 20.08.2022.
14. Бурдьё, П. Различение: социальная критика суждения / П. Бурдьё // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В.В. Радаев. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 537–565.
15. Silva, J. Envisioning and enacting class mobility: The routine constructions of the agentic self / J. Silva, S. Corse // American Journal of Cultural Sociology. – 2018. – Vol. 6 (2). – P. 231–265.
16. Huebner, E.S. Correlates of life satisfaction in children / E.S. Huebner // School Psychology Quarterly. – 1991. – № 6. – P. 103–111.
17. Burton, K.D. The differential effects of intrinsic and identified motivation on well-being and performance: Prospective, experimental, and implicit approaches to self-determination theory / K. D. Burton, J. E. Lydon, D. U. D'Alessandro, R. Koestner // Journal of Personality and Social Psychology. – 2006. – № 91(4). – P. 750–762.
18. Kansky, J. Early adolescent affect predicts later life outcomes / J. Kansky, J.P. Allen, E. Diener // Applied Psychology Health and Well-Being. – 2016. – № 8. – P. 192–212.
19. Lamont, M. Bridging Cultural Sociology and Cognitive Psychology in Three Contemporary Research Programmes / M. Lamont, L. Adler, Bo Yun Park, Xin Xiang // Nature Human Behaviour. – 2017. – № 1 (12). – P. 866–872.
20. Lamont, M. Getting Respect: Responding to Stigma and Discrimination in the United States, Brazil, and Israel / M. Lamont [et al.]. – Princeton: Princeton University Press, 2016. – 400 p.